

Успех и неудача коммуникации в значительной степени зависят от культурно-обусловленной взаимной коммуникативной компетентности участников коммуникативного события, т. е. от баланса между общим и различным в их процессах восприятия и символических системах. Культурно-обусловленные различия, при которых коммуниканты используют в речевом взаимодействии специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, приводят к особой разновидности коммуникации — межкультурной коммуникации.

К главным социологическим принципам, чье воздействие на языковую интеракцию невозможно преуменьшить, относятся языковые стратегии компенсации угрозы лицу собеседника, а также традиции использования прямых и косвенных тактик речевого взаимодействия, которые имеют социологические и культурологические корни. Эти социологические по своему характеру принципы находят непосредственное отражение в прагматических стратегиях, управляющих коммуникацией, и в когнитивных структурах, являющихся ее основой и одновременно — продуктом. И те и другие включают в себя два вида знаний (норм, установок, ценностей). Одни, наиболее базовые, принадлежат к общему фонду знаний *Homo Sapiens*, а другие характеризуют культуры и лежат в основе культурно-обусловленной коммуникативной компетентности той или иной группы.

Реализация принципов коммуникации предусматривает выбор прямой или косвенной тактики коммуникативного взаимодействия и речевого воздействия и опирается на весьма конкретные языковые феномены: употребление личных местоимений, значения конкретных слов в контексте, просодические изменения, механизмы имперсонализации высказывания, языковые средства реализации категории вежливости, минимизации ущерба для социального лица собеседников при коммуникативном взаимодействии.

Не считая нужным приоритизировать какие-либо тактики речевого воздействия, отметим, однако, что речь идет об уместности той или иной тактики в той или иной ситуации. Здесь выступают и особенности национального характера. «Иностранному языком можно овладеть. Спотыкаешься о культуру».

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ В РАЗЛИЧНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ (на материале белорусского и русского языков)

Задворная Е. Г., Минский государственный лингвистический университет

Как известно, речевое поведение регулируется целым комплексом правил, в котором могут быть выделены такие компоненты, как универсальные правила речевого поведения типа постулатов П. Вацлавика, П. Грайса или Дж. Лича, национально-специфичные правила, правила дискурсивной сферы, социально-ролевые и индивидуальные правила. Причем для конкретных коммуникативных ситуаций подобные компоненты вступают в сложные отношения, выстраиваясь в определенные иерархиче-

ские структуры. Специфика последних распространяется и на такой феномен, как переключение кодов, в частности переход на использование русского/белорусского языков в современной Беларуси.

Так, переход говорящего с одного языка на другой может определяться соблюдением одного из постулатов категории способа, реализующей принцип кооперации Грайса («избегай непонятных слов и выражений») (если говорящий в одинаковой степени владеет русским и белорусским языками, а слушающий хорошо владеет русским языком, но испытывает затруднения при использовании белорусского, то кооперативный говорящий предпочтет русский), следованием правилам социально-ролевой диспозиции (если коммуниканты владеют русским и белорусским языками и коммуникант с более высоким статусом предпочел белорусский язык, то коммуникант с более низким статусом, по логике вещей, должен также выбрать белорусский язык), следованием индивидуальным правилам (если коммуникант считает долгом пропагандировать свой родной белорусский язык, то он в принципе может, реализуя в своем речевом поведении феномен символического отношения к языку, говорить на нем, не учитывая требований принципа кооперации (если партнер испытывает затруднения при использовании белорусского языка) и правил статуса (если «старший» партнер говорит по-русски)).

Понятно, что на характер конфигурации подобных правил существенное воздействие могут оказывать и более частные, ситуативные факторы, например параметры коммуникативной ситуации, выделенные Р. Хенне и Г. Ребоком: 1) род или жанр разговора; 2) пространственно-временные отношения; 3) состав участников разговора; 4) степень официальности; 5) социальные отношения собеседников; 6) направленность коммуникативных действий в разговоре; 7) степень знакомства собеседников; 8) степень подготовленности коммуникантов; 9) фиксированность темы; 10) отношение общения к практической деятельности. К этому набору, по-видимому, целесообразно добавить и такую характеристику коммуникативной ситуации, как общий эмоциональный фон речевого взаимодействия (унисонный/гармоничный либо, напротив, диссонансный/конфликтный) (например, роль эмоционального фактора, когда, испытывая раздражение или досаду, говорящий на русском языке вдруг восклицает *А, каб табе!*, маркируя при помощи переключения кода смену эмоциональной тональности речевого взаимодействия). При этом подобные характеристики также могут вступать в сложные взаимоотношения (например, фактор эмоциональной маркированности, по-видимому, находится в определенной корреляции с фактором спонтанности и тематическим фактором). Так, еще в 1970 г. У. Лабовым было сформулировано весьма любопытное наблюдение в отношении того, что «небрежная» речь при разговоре, малоинтересном для говорящего, обнаруживает значительное сходство с «возбужденной» речью, когда говорящий глубоко затронут эмоционально — явление, которое Лабов связывал с минимальным вниманием, уделяемым в обоих случаях контролю за собственной речью.

Кроме того, при анализе феномена «переключения кодов» существенную роль играет и конфигурация социальных функций языков (таких как

объединяющая функция, разделяющая функция, функция престижа и функция системы отсчета (см. работы П. Гарвина и Матью, а также Д. Хаймса). Именно эти функции — в первую очередь объединяющая и разделяющая — особенно актуальны в случае «переплетения» аксиологически маркированных дискурсов: разделяющая в случае оценочного противостояния дискурсов (в таком случае иноязычные вкрапления интерпретируются как «чужое» другое слово) и объединяющая в случае оценочной согласованности дискурсов («свое» другое слово). Выразительные примеры такого рода широко представлены в произведениях В. Короткевича, в которых русскоязычные вкрапления в белорусскоязычный текст в зависимости от доминирования одной из названных функций могут получать самую разную прагматическую интерпретацию: от полного принятия того, что выражено при помощи русскоязычной «инкрустации»: *...пра такіх, как ён, скажаў паэт: «Твой сын жыве, чтоб паць в неравном бою, всю горечь мук прыняць без воскресенья»* (Заўвагі для акцэраў да п'есы «Кастусь Каліноўскі») и легкой иронии: *Нягледзячы на тое, што гэта — «трагедыя» — «рвань страць в клочки» не рэкамендуецца* (см. там же) до откровенного неприятия: *Памешчык тых самых Жарцаў уласнаручна хвастаў да найсьмерці былых партызан... з прыгаворкаю: «Вот вам французы, вот вам вольность, вот вам крест»* (Зямля пад белыми крыламі).

Представляется, что умение правильно оценивать роль различных параметров коммуникативной ситуации и адекватно интерпретировать соотношение социальных функций языков относится к числу немаловажных факторов успешной межкультурной коммуникации и должно соответствующим образом учитываться в процессе обучения (в том числе и профессионально ориентированного) иностранным языкам.

КОНЦЕПТ РОДИНА В АМЕРИКАНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРНЫХ КАРТИНАХ МИРА

Зволак Н. П., Суравнева О. С., Белорусский государственный университет

Как уже не единожды было продемонстрировано, культурно-ценностная система координат детерминирована целым спектром экстралингвистических факторов, среди которых выделяются социальный контекст, идеологические прескрипции, стихийно сложившиеся и укоренившиеся традиции, стереотипы мышления и поведения. Лингвокультура выступает своего рода зеркальным отображением универсального и культурно-специфического в семиотической концептосфере, в вербализации этик- и эмик-элементов. Самостоятельное, автономное развитие различных лингвокультур придает им уникальное своеобразие, что наглядно транслируется в различных видах дискурсивных практик и в художественном дискурсе в частности. Совместное существование лингвокультур приводит к их взаимообогащению, в определенной степени диффузности границ и гибридизации аксиологических представлений. Вместе с тем, процессы аккультурации свидетельствуют о непопулярности ассимиляции как адаптационной стратегии для культур этнических меньшинств.